

Книги Владимира Корна
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ
АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА
АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.
УЧЕНИК УЧЕНИКА

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 772

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Артуа. Ученик ученика: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 441 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1193-1

Угодив в чужой мир позднего Средневековья, не надейся, что у тебя получится мастерить из бараньих косточек на левом колене крупнокалиберные пулеметы. Не думай, что в тебе внезапно проснется талант гениального стратега. Забудь о том, кем ты был раньше, и начни с самого малого: постарайся в нем просто выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1193-1

© Владимир Корн, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 АФРОДИТ

В правом боку колело. Я немного передвинулся и посмотрел направо еще немного мутным после сна взглядом. Камень?! Да еще и торчащий из песка. Откуда? Вообще-то я засыпал в своей постели и искренне надеялся проснуться там же. Ладно, может, и не совсем там же — были у меня и другие планы, даже телефон поближе положил, чтобы сразу ответить. Один звонок, милая, — и я примчусь, чтобы обжечь тебя огнем своей любви.

На ноги с мягким шорохом накатила теплая волна. Так, а вот с этим совсем уже непонятно, ведь от моего дома до ближайшего моря — как до Пекина в позе дачника. Сам Пекин, кстати, значительно ближе. И еще, на дворе как-никак декабрь, не самое удачное время принимать солнечные ванны. А у меня ощутимо горят плечи, и голову явно напекло, с трудом соображаю. Хотя с головой-то, пожалуй, не привыкать, обычное состояние и без солнечных ударов.

Я вскочил на ноги, утвердил пошатнувшееся тело в строго вертикальном положении и огляделся.

Красиво, черт возьми. Как в моих мечтах перед сном, когда я оказался на необитаемом тропическом острове, скрываясь от мелочных злобных людишек, которые почему-то даже не задумывались о том, что им привалило немислимое счастье жить на одной планете с таким замечательным человеком, как я.

Правда, в своих мечтах на острове я был не один, а в компании с двумя очаровательными созданиями, буквально боготворившими меня: натуральной блондинкой и жгучей брюнеткой. Мои мечты тогда так взволновали меня, что пришлось идти на кухню выкурить сигарету и выпить стакан холодной минералки. Все это время я поглядывал на телефон.

Ну позвони же, черт возьми. Мы и так уже почти неделю в споре. В конце концов, ты сама виновата.

— Артур, тебе скоро тридцать, а у тебя еще детство играет в том месте, которое не для этого предназначено, — заявила она.

Это случилось после того, как я отказался от одной вакансии, с большими, да чего уж там — с огромными перспективами в плане карьерного роста.

Ну как же мне объяснить тебе, милая, что на свете столько интересного. Красота северного сияния... Запах берега, где так давно не был... Прощальный привет заходящего солнца — зеленый лучик, устремленный вертикально в небо, который можно увидеть только в открытом море через бинокль или пеленгатор... А сколько в мире нераскрытых тайн! Один Тунгусский метеорит чего стоит.

Новая же работа подразумевала вечное сидение в общем кабинете с редкими вылазками в соседние города. Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что долго удержаться там не смогу. Да и очень не хотелось подводить людей, хлопотавших за меня.

Так, быстрее в тень, явно перегрелся. И во рту все пересохло.

Я доплелся до ближайших кустов, росших на берегу, и рухнул в благословенную тень. Здесь и песочек прохладнее.

Теперь воспользуемся старым добрым методом ниндзя, чтобы избавиться от жажды. Он совсем не сложный и всегда помогает. Достаточно лишь ритмично покусывать кончик языка. А вот с головной болью сложнее: способ-то знаю, но он никогда не срабатывает.

В тенечке и о главном можно подумать. Итак, я куда-то попал. Как и зачем — не знаю, да и не так уж это важно в данный момент.

Ну попал и попал. Не страшно. Пока, во всяком случае. Страшновато — это когда шторм и обледенение. Вода за бортом минусовой температуры и не замерзает лишь потому, что соленая и все время в движении. С каждой новой волной на палубе нарастает все больше льда, а тонкие тросы такелажа становятся похожи на прозрачные столбы. И необходимо с этим как-то бороться: с помощью ломов и чьей-то там матери. А еще следить за тем, чтобы тебя самого с очередной вол-

ной не смыло за борт. Правда, за бортом и воды-то нет, только миллиарды перекатывающихся тоненьких ледяных иголочек. И спасти никто не сможет — просто нереально. А если со льдом не бороться, то и до оверкиля недалеко.

Страшно бывает и тогда, когда остаешься вдвоем с водилой в сломавшейся машине на зимнике, по которому почти и не ездит никто, раз в три-четыре дня, если повезет. На улице ночью под шестьдесят, и вся надежда только на то, что двигатель не заглохнет и топливо не закончится. Костер не поможет: пока спереди все обгорать будет, сзади все обморозится, и наоборот.

Здесь же красота: солнце, море, на соседнем кустике финики растут. Ну, может, и не финики, но очень похожи.

Сейчас мне не страшно, а просто-напросто обидно. Где мои водонепроницаемые милитари, где раскладной нож с множеством лезвий (даже пила и напильник имеются)? Где, спрашивается, жилет с огромным количеством карманов, наполненных всякими полезными вещами? В конце концов, где мой замечательный охотничий нож из стали превосходного качества, сделанный на авиазаводе? С наборной рукояткой из кусочков бересты, благодаря которой рука не мерзнет на морозе и не скользит от крови и жира...

Да что уж там, трусов — и тех не оставили.

Я внимательно осмотрел себя. Как будто бы все на месте, все мое и ничего не изменилось. Черт, могли бы и добавить кое-где, кто ж из нормальных мужиков об этом втайне не мечтает? Это я о бицепсах.

Так, а может, изменения чего-то другого коснулись? Начнем с ума. Семью восемь — пятьдесят шесть. Пятью девять — сорок пять. Тринадцать на шестьдесят девять... Скучно. Вывод — ум по-прежнему острый. Может быть, я теперь летать умею, и стоит попробовать? Я рассмеялся, представив, что голышом бегу по кромке прибоя и усиленно машу руками.

Голова почти прошла. Только ощутимо жгло плечи.

Интересно, а вдруг у меня цвет глаз изменился? Только зрачки трогать не нужно, не приведи господь, вертикальными станут. Это у покойников они такие. Перед тем как делать реанимацию, надавливают с двух сторон на глазные яблоки: если зрачки становятся вертикальными, то нет смысла делать искусственное дыхание и массаж сердца. Нет, не хочу

зрачки, как у жмура. Хочу белокурые волосы. Я отращу их подлиннее, и, когда побегу навстречу любимой девушке, они будут красиво развеиваться на ветру.

Выдрав парочку волосинок, я убедился, что и с шевелюрой все без изменений. В принципе можно было и не драть волосы на голове, они не только там растут и везде одинакового цвета. Зато еще раз убедился, что не сплю.

Ну и что мне теперь со всем этим делать?

Перво-наперво, водицы необходимо испить, чистой и холодной. А затем? Сложный вопрос, но ответить на него все же можно. Необходимо куда-нибудь идти и обязательно куда-нибудь прийти. В принципе все, что я вижу, не очень отличается от того, что привык видеть раньше. Не дома, конечно, — в тропиках. Если быть точнее, то в субтропиках. Правда, краски здесь ярче, чем те, к которым я привык. Ярче выглядит море, небо, зелень деревьев... Прямо как на рекламных буклетах, зазывающих туристов на заморские курорты.

Как стемнеет, появится возможность определить по звездам, в каком полушарии я нахожусь. Но в любом случае сначала нужно найти воду. Решив, что в воде для начала неплохо просто посидеть — слишком уж горят плечи, — я вернулся к морю.

После водных процедур стало легче. Вода оказалась не такой соленой, как в Тихом океане, но и не слишком пресной, если сравнивать с Каспием.

Ну и в какую же сторону мне сейчас направиться? Если это остров, то я в любом случае вернусь сюда, мимо точно не пройду — больно уж вершина приметная у скалы, уходящей в море, на голову сфинкса похожа. Вряд ли где-нибудь найдется что-то похожее: природа не любит повторяться.

Чисто по-мужски хочется пойти налево, еще бы разобраться, где это самое «лево» находится... Встанешь спиной к морю — с одной стороны, повернешься — соответственно с другой получается. Подойдем к делу с практической стороны. Если я пойду навстречу солнцу (которое, кстати, уже низко над горизонтом, значит, дело близится к закату), то оно будет все время слепить мне глаза. Отправлюсь в другую сторону — будет жечь плечи. Ну с этим легче, достаточно посмотреть вон на тот куст с яркими синими цветочками. Ли-

стья на нем такие большие, что вполне прикроют не только плечи, но и много чего ниже. Не помешало бы еще и одеждой обзавестись, хотя бы немудреной набедренной повязкой из травы — слишком уж некомфортно в полном неглиже и с плащом на плечах. Надеюсь, найду по дороге что-нибудь подходящее.

Напиться мне удалось значительно раньше, чем набрести на источник воды. Неподалеку я обнаружил кокосы, которые не отличались от привычных мне ни формой, ни цветом, ни вкусом.

С насущными делами вроде бы худо-бедно разобрался. Теперь нужно войти в боевой транс, абстрагироваться от окружающей действительности и топтать, топтать, топтать до самой темноты. Только как в этот самый транс войти? Как говорят мудрые люди, нужна какая-нибудь ключевая фраза. Ей может быть любое подходящее предложение, повторяемое много раз подряд.

Займемся аналитикой. Где я себя обнаружил? У самой кромки прибора. Вывод: я Афродит. То, что не Афродита, каждому с первого взгляда ясно — я все еще без одежды, да и не брит. Железная логика, всегда ею отличался.

Теперь смело в дорогу. Поправим плащ, зажмем кокос под мышкой — и в добрый путь, сэр Афродит.

— Афродит Пенорожденный, Афродит Пенорожденный, Афродит Пенорожденный. Аф... А-а-а!

Черт, больно-то как — большим пальцем о камень. Обуви у меня ведь тоже нет. Но, что самое обидное, я еще не успел войти в транс. Придется обойтись без заклинаний, главное — под ноги смотреть.

Я брел до самого заката, внимательно рассматривая окрестности. И не обнаружил ничего такого, что могло бы мне объяснить, куда я попал.

Здесь очень красиво. Даже песок светлый, почти белый. Вот, помню, гулял я как-то по пляжу одного из Курильских островов, со стороны Охотского моря, так там песок был практически черным... На дворе в то время стоял июнь, солнце с небес жгло немилосердно. И после пары десятков шагов нужно было заходить в море, чтобы остудить прямо-таки горевшие ступни. В холодной воде ноги быстро начинали неметь. Еще пара десятков шагов по раскаленному

песку — и снова в воду. А обуваться не хотелось... Вечером я обнаружил, что ступни покрыты множеством мелких темных точек, там, где кожа была обожжена...

Кстати, тогда на берегу и в прибрежных волнах было множество разнообразного мусора, всяких там обрывков газет и обломков ящиков, по большей части с японскими иероглифами. А ведь на том острове, название которого я сейчас и не вспомню, отсутствовали поселения, если верить карте. Зато там было очень много медведей, прямо медвежий заповедник. Вспомнив об этом, я начал тревожно оглядываться по сторонам. К счастью, никаких животных я не обнаружил. Мусора, впрочем, тоже.

Когда окончательно стемнело, я испытал настоящее потрясение. Такого неба у нас нет. И дело даже не в созвездиях. Звезд очень много, и они такие крупные и яркие, что сейчас светлее, чем в полнолуние. Темно-синее ночное небо и огромные звезды. Нет, это может быть все, что угодно, но только не Земля.

Я неподвижно сидел на камне. До этого момента все казалось значительно проще и легче: в глубине души все еще теплилась надежда, что я на родной планете. Я тешил себя мыслью, что очутился хоть и непонятно где, но все же на Земле. Согласен был даже в прошлое попасть, ведь там все знакомо и понятно, все известно на века вперед.

Теперь же нет никаких сомнений: это чужой мне мир. Только сейчас я до конца осознал значение слова «безысходность». И что мне теперь со всем этим делать? Кто-нибудь поинтересовался моим мнением? И нужно ли мне все это? Зачем я вообще тут очутился? Что или кто меня здесь ожидает? Какие-нибудь разумные ящерицы?

А может, цивилизацией здесь еще даже и не пахнет? Во время своего недолгого вечернего путешествия я не обнаружил никаких свидетельств разумной жизни. Ни обрывков сетей, ни закругленных водой досок, ни пластиковых бутылок — ничего. В общем, совершенно никакого мусора, неизбежно присутствующего на морских берегах самых удаленных уголков нашей планеты.

Ничего, не будем отчаиваться. Вполне вероятно, что эту землю все еще топчут разнообразные динозавры, а значит, подобным следам цивилизации здесь неоткуда взяться.

Утром повеял легкий ветерок со стороны моря. Ну ночью я не замерз — и на том спасибо. Настроение немного улучшилось, когда над горизонтом поднялось местное светило — оно-то как раз ничем не отличалось от нашего земного солнца: ни светом, ни теплом, ни чем-либо еще.

Все, хватит нытья и соплей, ты жив, здоров и оказался не посреди бескрайней песчаной пустыни, где слишком мало воды и слишком много тепла. У моря все же трудно умереть с голода, да и само добывание пищи не должно занять много времени.

В общем, все не так уж и плохо, с какой стороны ни помотри. Главное, чтобы здесь оказались люди, разумные и не слишком отличающиеся от тех, что я привык видеть. Будет много хуже, если разумными вместо людей окажутся какие-нибудь драконы. И что мне в таком случае делать? С кем я тогда буду сливаться в любовном экстазе? Драконы вроде бы из змеиной породы, а значит, вонять от них должно, как от змей. Не очень-то радужная перспектива.

Я снова отправился в путь. Через пару часов ходьбы я увидел на самой линии горизонта маленькое белое пятнышко паруса. Нет, я не мог ошибиться. Конечно, с моего места невозможно было разобрать, что собой представляет суденышко. Но это и неважно. Главное то, что разумная жизнь здесь есть.

Парусник направлялся в ту же сторону, что и я. Что это: яхта местного богача или просоленное всеми ветрами рыбацкое суденышко? Даже количество мачт не удастся определить — слишком большое расстояние. Эх, шел бы он ближе к берегу, тогда бы я сумел разобрать, кто на нем находится... Как бы хотелось, чтобы это были именно люди!

Позади был еще один день пути по бесконечному песчаному пляжу. Только в двух местах мне пришлось удалиться от берега, обходя прибрежные скалы. На одной из таких скал мне удалось убить камнем какое-то морское животное, похожее на морского котика, правда, шкурка его отливала синевой. Мясо есть оказалось невозможно, слишком отдавало рыбой, а вот шкурка для моих целей вполне подошла. Теперь у меня была шикарная набедренная повязка. Полночи ею занимался, соскабливая камнем мездру. Мех котиков — самый стойкий из ценных шкурок и сохраняет свои

свойства больше ста лет. Надеюсь, что мне он на такой срок не понадобится.

Я шел и думал о том, что так и не позвонил Светлане, своей подруге. Что мне стоило самому номер набрать? Вот всегда так: тяну, тяну, а потом все равно звоню первым. Когда мы теперь сможем увидеться, да и удастся ли это вообще? Всем хороша девчонка: и стройная, и симпатичная, только вот немного глупая. А все потому, что пытается меня изменить, хотя уже больше года прошло, как мы встречаемся. Ей давно пора понять, что это просто нереально. Может, я и сам бы рад измениться, да ничего не выходит. Все тянет куда-то, все на что-то посмотреть хочется. Вот и дотянулось, вот идохотелось.

В надежде увидеть пролетающие самолеты или хотя бы инверсионные следы от них, я то и дело поглядывал на небо. Но тщетно: кроме чаек и мелкой пернатой живности, ничего не наблюдалось. Птеродактилей не видно — и то радость. И папоротники здесь нормальные, всего лишь раза в два выше мне привычных. Когда жили всякие там диплодоки, папоротники повыше этих пальм вырастали, со школы помню.

На языке одних моих знакомых такая ситуация называется «конкретное попадалово». Ага, куда уж конкретней. И то, что конкретно, и то, что попал. Вдруг у них здесь еще работоторговля процветает? В таком случае я как нельзя кстати придусь: и молодой, и к занятиям с железом склонность имею, потому и хиляком не выгляжу. Плюс ко всему, языка не знаю, дурак дураком в местных обычаях, и заступиться некому.

Нет уж, рабом быть не хочу. Их бьют, кормят плохо. Поди, еще и работать заставят. Лучше сразу в бега податься. С голоду явно не умру. Побродил по мелководью минут двадцать — и все. Тут тебе и крабы, и осьминожку можно рогатиной ко дну прижать, и у морских ежей икра вполне съедобная. А уж про рыбу и не говорю — с ней все ясно: чем ярче и разноцветней у нее чешуя с плавниками, тем больше шансов на ядовитую или несъедобную нарваться. Это не одно и то же, как и у грибов. Главное — в воде бродить осторожно, кораллов здесь очень много, можно и ногу серьезно повредить.

И лес мне нравится: и фруктов полно, и ягод. Живности опять же всякой хватает. Ну все как у нас.

Только не хочу я здесь быть. Домой хочу, к Светке. Да еще и Новый год на носу, а мы такую тему замутили насчет отдыха...

Опять же огонь бы неплохо добыть. Вариантов, как его получить без спичек и зажигалок, я знаю не меньше, чем товарищ Бендер — способов честного отъема денег у населения. Ни один из моих способов, правда, пока не сработал. Хотя я не особо и старался: ну получу раз — и что потом, с корзинкой ходить, как у Рони-старшего?

Зато я нашел стручки, мясистые такие, красновато-желтого цвета. Отдельно их есть не станешь, довольно жгучие на вкус, но если размять на камне хорошенько, а затем кусочки рыбы, пусть и сырой, макать в полученную кашу... Вполне съедобно получается и ничуть не пресно. Главное, что у меня нет отторжения организмом той пищи, которую я здесь успел употребить.

Единственное, что мне в этом мире понравилось, так это то, что загар отличный успел приобрести, ровный такой и коричневый. Только вот на плечах кожа уже облазить начала. Вот бы домой в таком виде заявиться, в декабре-то. И еще звездное небо очень красивое, часами можно любоваться, если бы не тоска, которую оно на меня наводит. Чужое оно, на психику давит. Днем еще ничего, идешь, как у себя дома, где-нибудь в окрестностях той же Анапы. Отличия-то, конечно, есть, но не такие, чтобы это сразу в глаза бросалось. А домом своим я теперь всю планету Земля считаю.

По ночам я идти не отваживался: насколько помню, почти все хищники ночной образ жизни ведут. Я вообще старался держаться ближе к воде, чтобы в случае опасности успеть до нее добежать. Расчет был на то, что дикие звери за мной в воду не полезут. Хотя черт их знает, какие они здесь и что у них на уме. Пока я ничего крупнее кошки не видел и видеть не хочу. Плохой из меня натуралист, больше о собственной шкуре думаю, которая дорога хотя бы как память о прежней жизни.

К вечеру четвертого дня берег начал меняться, становясь все более каменистым. И все чаще мне приходилось отдаляться от моря, чтобы обойти очередную грудку скал. Еще через

день далеко на горизонте появились синие призраки гор. Похоже, это все-таки не остров или, по крайней мере, огромный остров. Все эти дни солнце на закате светило мне в затылок, а пройти я успел довольно приличное расстояние.

Паруса больше не попадались, как не попадалось и никаких следов разумной жизни. Обычно, если есть возможность, люди стараются селиться на берегах морей, тем более таких теплых. Море прежде всего — это неиссякаемый источник пищи, да и переправить по воде можно много больше, в отличие от всех остальных способов транспортировки. Даже в наше время водный транспорт остается самым дешевым видом перевозки грузов. Но... все по-прежнему оставалось пустынным.

Но я же видел парус своими глазами, и это не было наваждением. Ау! Где вы, черт бы вас всех побрал!

В сумерках я забрался на каменный утес, с высоты которого открывался отличный обзор. Забрался с одним-единственным желанием — увидеть огни поселений, на худой конец, отблеск одиночного костра. Нет, ничего, только звезды, такие близкие, что казалось: подпрыгни — и достанешь рукой. Как же меня достала красота холодных бездушных огоньков в темно-синей ночи!

Глава 2

Р-Р-Р!

На седьмой день пребывания в этом мире, ближе к полудню, когда местное светило находилось практически в зените, я увидел дым. Вертикально поднимающуюся беловатую слабую струйку дыма. На море царил полный штиль, водная гладь была похожа на зеркало: ни малейшего дуновения ветерка.

Я только что поздравил себя с удачной рыбалкой, умудрившись добыть три довольно крупные рыбыны в месте впадения в море мелкой речушки, в луже, отрезанной от основного потока полоской суши. Проваливаясь по колено в топкую грязь, я гонялся за «жертвами» по всей луже и измазался не хуже последней свиньи. Но выловил все три и теперь сидел, задумавшись, что мне делать со всем этим богат-

ством. И съесть не успею, и выкинуть жалко, и впрок не запасусь. Рыбины рядком лежали передо мной, все еще грязным, и изредка били хвостом. Грязь быстро превратилась в сухую корку на теле и начинала тянуть кожу. Все, сначала вымоюсь в замечательной пресной воде, а уж затем приму мудрое решение.

Отмывшись от грязи и так и не придумав ничего путного, я и заметил тонкую струйку дыма за одним из ближайших холмов, заросших густой растительностью. Я не мог поверить глазам. Дым! Надеюсь, я наконец-то выясню, кто здесь живет и с кем мне придется иметь дело. Гуманоиды, разумные страусы или еще какая-нибудь живность, умеющая пользоваться огнем.

Только осторожно, Артур, очень осторожно. Неизвестно, как на тебя отреагируют. Чем первобытнее эти люди (если это, конечно, люди), тем больше у тебя шансов украсить собой праздничный обед, став его главным блюдом. В дремучие времена и на Земле такое практиковалось повсеместно, об этом все археологи говорят. И дело было вовсе не в голоде. Впрочем, какая теперь разница в чем. Главное — не попасть в котел, на вертел или еще куда.

Нет, рыбу я, ясное дело, ни за что не оставлю: а вдруг там брошенный кем-то горящий костер. Тогда я зажарю рыбины, и черт бы меня побрал, если хотя бы не надкушу их все.

Прокравшись на вершину холма, я осторожно раздвинул ветки кустарника, сплошь покрытого плодами иссиня-черного цвета величиной со сливу. Пробовал я их уже, эти сливы. На вкус довольно приятные, только вот после них во рту вяжет.

Со своего места мне удалось рассмотреть хижину (домом назвать это строение язык бы не повернулся), слева от нее — навес, чуть поодаль что-то, похожее на сарай из жердей. Дальше — еще один навес с чем-то, похожим на коновязь. Пустой загон, огороженный плетнем. Грядки, опять грядки и снова грядки. Ближе ко мне, у самого подножия холма — целое поле, с едва проклюнувшимися из земли всходами непонятных растений. А на одной из грядок определенно капуста, тут никакого сомнения нет. И не какая-нибудь брюссельская или кольраби, а самая что ни на есть белокочанная, уж в этом-то даже я понимаю.

Ну вот и аборигены. Девочка, совсем малышка, годков пяти-шести, не больше, в рубашке до пят. Мальчишка лет на семь ее старше, в явно коротковатых штанах и женщина моих лет в платье почти до самой земли. Вроде выглядят, как обычные люди, никаких тебе хвостов или длинных ушей. Только одежда у них похожа на наряды из исторических фильмов. Мужчин не видно, но это не значит, что их нет. Может, они как раз в этот самый момент ко мне сзади подкрадываются. От таких мыслей я резко обернулся и застыл, прислушиваясь. Нет, как будто бы все тихо, никаких шорохов, и ветки нигде не потревожены. Ветра нет, так что сразу понятно будет, если кто приблизится.

Прождав около часа, я решил сам себя обнаружить. Вид у меня, правда, был тот еще, ну так что теперь. Легенду я заготовил себе заранее, времени было предостаточно.

Спустившись с противоположной стороны холма и обойдя его, я неспешным шагом направился к замеченным мной людям. Дождавшись, пока они меня увидят, застыл в ожидании их дальнейшей реакции.

Реакция была в общем-то вполне понятной. Никто не бросился ко мне навстречу с радостными объятиями, не пал ниц и не потащил за руку к накрытому обеденному столу. Малышка спряталась за женщину, вероятно за свою маму. У мальчишки в руке появился нож с длинным, сантиметров тридцать, лезвием. Сама женщина вооружилась топором на длинной ручке. А чего еще я хотел? Достаточно было просто на меня поглядеть. Голый, в куске шкуры, обернутой вокруг не очень могучих чресл. С добытой рыбой в одной руке и длинной палкой в другой. Ах да, не стоит забывать еще и о всклокоченной шевелюре и недельной щетине.

Они настороженно молчали. Я тоже ничего не говорил и продолжал топтаться на месте. Пусть немного привыкнут к моему виду. Вроде люди как люди, женщина так вообще очень даже ничего выглядит. Немного подождав, я решил сам проявить инициативу.

Указав на рыбу, я постарался объяснить жестами: две штуки вам, а оставшуюся можно было бы испечь в очаге для меня. Они явно поняли, это заметно, но в их поведении ничего не изменилось. Тогда я начал рассказывать о своих вымышленных невзгодах, сопровождая легенду жестами.

Я плыл на корабле. Потом был жестокий шторм, и меня смыло за борт. Чтобы не утонуть, мне пришлось остаться без одежды, которая только сковывала движения в воде и тянула ко дну. В процессе объяснений я даже снял мнимые часы с левой руки, успев при этом подумать, что на дворе явное Средневековье, и мой жест может быть для них непонятен. Но потом успокоил себя тем, что часы примут за массивный золотой браслет, который отягощал мою руку, мешая загребать. Значит, они подумают, что до этого я был человеком состоятельным и меня нельзя прогнать вот так сразу, не позволив даже воспользоваться огнем их очага.

А шторм действительно был, и случился он перед самым моим прибытием. Даже человек, ни разу не бывавший на море, сразу смог бы понять это по длинным спутанным водорослям, выброшенным волнами на берег, и по мелким рыбешкам, валяющимся у самой воды.

Всю свою пантомиму я сопровождал рассказом, стараясь говорить убедительно. Ясно, что они не поймут, но уж интонации-то не зависят от знания языка. Если, конечно, они здесь не свистят по-птичьи или, к примеру, не являются телепатами, понимающими друг друга без слов. Вот тогда мне точно придется несладко — мои мысли были слишком вольными, больно уж фигурка у женщины была хороша.

Но нет, видимо, они ничем от обычных людей не отличались.

Женщина что-то сказала мальчишке. Тот переспросил ее с недовольным видом, но все же подчинился и пошел в дом, напоследок окинув меня не самым дружелюбным взглядом. Голос у незнакомки оказался вполне мелодичным, да и язык не был похож ни на карканье, ни на вой. Обычный такой язык, немного певучий, только вот совсем непонятный.

Женщина отвлеклась на мгновение, посмотрев куда-то в сторону, и я успел показать выглядывающей из-за ее юбки малышке язык. Девочка мгновенно спряталась за маму, но в следующий миг показалась снова и скорчила мне милую рожицу. Еще она оттянула пальцами оба уха. «Черт, совсем как наши дети», — подумал я и не смог сдержать улыбку. Мама обнаружила смешные кривляния девочки и быстро перевела взгляд на меня. Это было так неожиданно, что я даже не успел снова напустить на себя серьезный вид. Женщина ска-

зала что-то дочери назидательным тоном, но та показала язык и ей.

Из хижины все с тем же недовольным видом появился мальчишка со свертком в руке и швырнул свою ношу мне под ноги. То еще воспитание... А что я хотел, это вам не отец с войны вернулся. В свертке оказались штаны и рубаха, оба предмета одежды — из грубой домотканой материи.

Черт его знает, как здесь выражают благодарность. Я прижал руку к сердцу и слегка поклонился. Поняли меня, ну и ладушки.

Женщина жестом показала, что для переодевания мне нужно идти за дом. Облачившись в новый прикид, я попытался оглядеть себя со всех сторон. А что, вполне. Правда, штаны коротковаты и рубаха безразмерна, но это не страшно. Мне показалось, что я даже сильнее себя почувствовал.

Когда я вышел из-за дома в новом образе, женщина уже разделывала мою рыбу огромным ножом на столе под навесом. Потом мы все вместе обедали. Правда, хозяйева сидели по другую сторону стола, но какая мне разница? Похлебка из овощей, жареная рыба и кусок лепешки из странной муки грубого помола. Я даже не припомню, когда мне в последний раз приходилось так вкусно есть.

После обеда я помогал женщине по хозяйству. Забрал из ее рук топор, когда она захотела нарубить хворост. Перемолот зерно на ручной мельнице. Принес воду ведрами из родника, который находился поблизости. Сходил за хворостом, набрал огромную связку. И даже успел немного поправить крышу.

Мужских рук в доме явно не хватало, это всегда заметно. И дети от разных отцов, не ошибешься.

Но мое ли это дело? Они меня накормили, одежонку какую-никакую дали. И пусть мальчишка все еще хмурился и неприветливо на меня косился, так вроде бы ему и не за что меня благодарить.

Я даже успел выучить пару незнакомых слов. Язык оказался не слишком сложным, не было в нем таких непроизносимых вещей, как, например, «кетцалькоатль» или «тлауискальпантекутли». Если бы меня спросили, на какой язык он больше всего похож, то я бы, не задумываясь, ответил, что на итальянский. Но только в том случае, если бы жители

Апеннинского полуострова перестали тараторить. Правда, сам я итальянского не знаю совсем, и единственная фраза, что сразу приходит на ум, звучит так: кретино феномено.

Когда-то преподаватель английского на вводной лекции говорила, что изучение иностранных языков легче всего дается тем, у кого хороший музыкальный слух. Не знаю, насколько она была права, но на отсутствие слуха пожаловаться я явно не могу. Да и что тут особенно сложного, если дом называется «брубер», а, к примеру, рука — «чилса».

Грассировать или в нос говорить тоже не нужно. Думаю, что смогу освоить. Все же не тлауиска... как там дальше... Конечно, и в моем языке дом можно назвать жилищем. И пусть кто-нибудь, кто никогда не подозревал о существовании такого звука, как «щ», попробует все это выговорить. Но меня пока необычными словами не удостоили. И прекрасно, обойдусь как-нибудь.

Еще я успел выяснить, что мальчишку зовут Стрегором, а девочку — Карминой. Хозяйка звалась Аниатой. Моим именем никто не поинтересовался, я же навязываться особо не стал.

Уже в сумерках, после вечернего чая, если можно так выразиться, Кармина, время от времени показывающая мне исподтишка язык, подошла знакомиться.

Бойкая девчонка сначала что-то лепетала, затем, судя по интонации, задала мне вопрос. Поскольку буквально перед этим прозвучало «Кармина», я решил, что наконец-то у меня спрашивают имя.

— Артур, — представился я.

— Артуа-р-р-р, — засмеялась она.

— Не Артуа-р-р-р, а Артур, — поправил я ее.

Она засмеялась еще сильнее. Затем согнула пальчики на руках, словно показывая когти, и стала клацать зубками, как будто собралась кого-то разорвать и съесть.

— Артуа-р-р-р, — и убежала, все еще продолжая рычать.

Аниата постелила мне под навесом, сделав это как само собой разумеющееся. Она выделила мне набитый сухим сеном тюфяк и кусок грубой ткани вместо одеяла. Вот и славно, куда мне на ночь глядя, пусть и в новеньком наряде? Однако нервы, уже и стихами заговорил...

Я долго ворочался перед сном, хотя и лежать было очень

удобно — все-таки не на песке, пусть и теплом, скрючившись в позе эмбриона, — и смотрел на звездное небо. Все-таки оно очень красивое. Только вот Луны я за все это время ни разу не видел, хотя погода была ясная. Еще одно доказательство, что я не на своей родимой планете. Даже если с большой натяжкой предположить, что звезды могли измениться, то уж спутница Земли никуда бы не делась. Отчего-то вспомнилось, что вроде бы Луна — это осколок Земли, отделившийся от нашей планеты из-за столкновения с метеоритом. Только вот не помню, гипотеза это или научно доказанный факт. Да и какая теперь разница?

Почему-то подумал о Светке. Как она? Вокруг нее постоянно кто-то вертится. Наверное, она решит, что я опять куда-то рванул, даже не предупредив, всерьез обидится, а там...

Утром я проснулся от рычания над самым моим ухом:

— Р-р-р-р!

Убедившись, что я открыл глаза, довольная Кармина убежала. Так, стол уже накрыт и меня к завтраку ждут. Вот спасибо, и не надеялся даже. Быстро умывшись, я отправился к остальным.

На завтрак была каша из зерен, напоминавших кукурузные, но со вкусом пшена. Черт, а я и не знал, что каша без всяких намеков на масло и сахар, да еще на завтрак, — это так вкусно.

Что это у Стрегора глаза такие красные? Ага, понятно, не выспался. Всю ночь, поди, караулил, чтобы я все их богатство не спер. А тут есть что брать. Одних коз штук пять, козел и еще козлят парочка. Куры опять же. Да и под навесом возле печи горшки с ухватками. Им еще и полусотни лет нет. Ну что тут скажешь? Молодец, мужчина растет.

За завтраком Аниата назвала меня Артуа. Хорошо, пусть будет так, не Пантекутль же какой-нибудь, в конце концов. Вообще-то я мог бы и Афродитом назваться, если бы эти козлы, или кто там еще, сделали бы меня длинноволосым блондином. А так несоответствие получается. Я же люблю, чтоб во всем логика была.

Судя по всему, прогнать меня никто не собирался. Да и зачем? Прокормлю себя как-нибудь, заодно и по хозяйству помогу. Вспомнилось, что один мой знакомый каждое лето брал себе на фазенду работника-бомжа. Тот вкалывал у него

за еду и стакан водки вечером, больше ему ничего и не требовалось. Ну еще обноски получал. Разговорился я с ним однажды, про жизнь свою он мне рассказывал. Всю жизнь в Донбассе проработал: и проходчиком, и горноспасателем, а потом вот так все обернулось. Еще говорил, что ему чуть было Героя Труда не присвоили.

Так что работай, Артур-Артуа, кормить тебя здесь кормят, обноски опять же выделили, водку ты и сам не будешь. А героической биографии шахтера у тебя все равно нет.

Если смотреть на мое положение серьезно, то лучшего развития событий для меня и вообразить трудно. Как это у шпионов называется? Даже термин специальный есть, забыл только. Адаптируешься в новом обществе и социально акклиматизируешься, да и язык легче учить с полным погружением в языковую среду.

Интересно, на какой социальной ступени я сейчас нахожусь? Да и какие они вообще здесь бывают, эти ступени? Но как бы то ни было, я все равно очень благодарен этим людям. Работать буду, пока никуда не пойду.

И я работал. Трудился с утра до поздней ночи. Работы было много, и вся она — из разряда тяжелой физической. Не представляю даже, как они без меня справлялись. А может быть, я и сам для себя искал занятие.

Домишко представлял собой сплетенный из прутьев каркас, обмазанный глиной вперемешку с соломой. Наверное, при здешнем климате этого было достаточно. Местами глина обвалилась, обнажив прутья, и в одном из углов образовалась приличная щель. Несложная работа — все это исправить, да вот только глину приходилось таскать издалека. Покривился навес, загон для коз тоже требовал ремонта, да и много еще чего нужно было сделать, пусть и по мелочам. Курятник опять же подправить нужно: он особенно крепким должен быть, чтобы ни один мелкий лесной хищник не мог в него проникнуть. Судя по тому, что имеющиеся в хозяйстве у Аниаты козы свободно пасутся в лесу, крупных-то хищников здесь нет, иначе давно схарчили бы они рогатых животных за милую душу.

И все это помимо повседневных мелких дел. Хворост, грядки, вода для полива, поле ухода требует. Я даже козу до-

ить пробовал, пока меня Аня (так я однажды случайно ее имя переименовал, а потом уже привык) со смехом не отогнала.

После второго ночного бдения Стрегор уснул прямо за завтраком и с тех пор перестал меня караулить. Правда, первое время он еще продолжал поглядывать на меня с подозрением, затем успокоился. Особенно после того, как я починил старые верши, и мы с ним на рыбалку ходить начали. На ту самую речку, где мне пришлось хрюка из себя изображать, барахтаясь в луже грязи.

От Аняного дома до моря было рукой подать. Но если бы я в свое время пошел вдоль самого берега, то и знать бы не знал, что рядом живут люди, — стена деревьев была слишком плотной и надежно скрывала домишко со стороны моря. Видно, какая-то своя логика была у человека, который выбрал место для строительства.

Маленькая Кармина стала моим учителем языка. Как это происходило? Покажет она пальчиком на какой-нибудь предмет и скажет название. Я повторю за ней. Ей смешно, она несется с веселыми криками к матери, чтобы пересказать, как этот глупый дядька вещи называет неправильно.

Спал я под навесом и внутри хибары ни разу не был, хоть и успел уже стены в порядок привести. Да и чего я в этом домишке забыл? Единственная комната площадью примерно десять — двенадцать квадратных метров, разделенная пополам перегородкой из жердей. Стол, три лежанки, вешалки с какой-то одежкой и пара-другая полок. Больше там и не было ничего, через открытые двери видно.

Вот так в работе и забывался. Чем еще от всяких навязчивых мыслей отвлечься можно? Лучший способ. Есть, конечно, средство и получше, но как-то не складывалось. Аня — женщина симпатичная, с хорошей фигурой. Руки вот только натруженные, видно, что всю жизнь она работает, и работает физически. А так очень даже ничего, такая грация в движениях присутствует, непонятно даже, откуда что берется.

Я в общем-то никогда вниманием прекрасного пола обделен не был, но вот не случилось до сих пор у нас с ней, и все тут.

Поздним вечером, после обязательного вечернего чая, вернее, заменяющего его здесь бадана, растения с мелкими

ярко-красными бутонами, я повалился на свой тюфяк и принялся размышлять.

Хозяйство у Аниюты бедное, оно и понятно: одна она, без мужа. Но суть не в этом. Все равно даже по бытовым предметам можно хотя бы приблизительно определить уровень развития цивилизации.

Взять, например, мой мир. Понятно, что у людей обеспеченных есть все, и вещи эти очень дорогие. Но если заглянуть в любой дом, даже в тот, где живут люди с довольно низким достатком, там ведь тоже много чего найдется: и телевизор, и уют, и кофемолка, и магнитофон какой-нибудь, в конце концов. Конечно, все дешевенькое, не огромная панель на всю стену и не тостер со встроенным пылесосом.

Так вот, в доме Аниаты не было ничего, хоть косвенно указывающего, что цивилизация ее мира достигла каких-то высот. В сравнении с земным обществом, конечно. А с чем мне еще сравнивать? Парус, само собой, не в счет. Под парусом и у нас многие ходят и получают от этого больше удовольствия, чем от скоростных скутеров.

Теперь голые факты.

Швы на одежде были сделаны вручную, а не на швейной машинке. Да и все остальные предметы — от топора до ножа — явно ручной работы. Есть вещи железные, стальные, медные, оловянные. Но нет ничего такого, что говорило бы о более высоком уровне развития. Вряд ли Аниата с детьми живут в отрыве от всего остального мира. Пусть даже так, что очень сомнительно, но, по крайней мере, шесть-семь лет назад контакты с внешним миром у нее были, судя по возрасту дочери. Вчера вечером, когда мы собирались пить вечерний чай, она накинула на плечи цветной платок, который выглядел достаточно новым. Кстати, и бусы у нее вчера на шее имелись, из красного стекла. К чему бы это? Так, отвлекся.

Видимо, эволюция и здесь происходит по тем же законам, что и у нас. А если это так, то напрашивается грустный вывод. Может, здесь уже и не Средневековье, но явно не позже земного девятнадцатого века. Иначе у них уж наверняка бы свой Зингер нашелся, впрочем, дело даже не в швейной машинке. Данных, впрочем, для выводов было маловато. Я немного полежал, гордясь собственной сообразительностью, затем продолжил размышлять.

Всю свою историю человечество только и делало, что воевало, воевало и еще раз воевало. В мое-то время военные конфликты не редкость, а уж в эти века... Мне не удастся отсидеться в этом богом и людьми забытом уголке, да и не хочется этого делать. Как бы то ни было, передо мной новый мир со своими особенностями, чудесами, сокровищами, тайнами и всем остальным-прочим. И так хочется все это увидеть. Если уж я здесь, значит, это кому-нибудь нужно, может быть, даже мне самому. И для того чтобы выжить здесь, мне придется освоить как минимум две вещи — выучить местный язык и научиться себя защищать.

Глава 3 НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Разбирая в сарае хлам в поисках нужного мне металлического штыря для починки двери, я обнаружил обрывок цепи, вплавленный в кусок железа граненой формы. Отлично, о чем-то вроде этого я и мечтал. Анята пожала плечами: бери, вещь в хозяйстве бесполезная. Ну это кому как. Мне вот она просто необходима.

Так, теперь нужна рукоятка, равная длине цепи с билом, и петля на ее конце. Я даже знаю, из чего ее сделаю. Есть у меня на примете кусок превосходной древесины, достаточно крепкой для таких целей. Когда-то нунчаками крутить довелось, так, для общего развития, — значит, не придется с чистого листа начинать. Во-первых, остались кое-какие навыки, а во-вторых, техника немного похожа.

Если подумать, то мой кистень, конечно, ничто против профессионального воина с клинком приличной длины. Что еще я мог бы противопоставить неприятелю? Неполный год занятий боксом да два года — спортивным фехтованием. Так когда это было? Еще в школе... И потом, бокс против меча или сабли — совсем не круто, а спортивное фехтование значительно отличается от махания тем же мечом. Ну что там дальше было? Недолго увлекался единоборствами, потом переключился на железо и решил, что этого будет вполне достаточно для поддержания отличной формы. Н-да, негусто...

Теперь, отправляясь за хворостом или проверять ловуш-

ки, я обязательно брал с собой кистень. Пусть я приходил на целый час позже и весь взмыленный, но даже такие занятия давали мне хоть какую-то цель. А цель была одна: научиться обращаться с кистенем, просто научиться бить. Но бить точно и мощно. А что еще с ним можно делать? Может быть, парировать удары или даже вырывать оружие из рук противника. Кто бы меня еще научил, как это делается... Не сомневаюсь, откопай я средихлама ржавую саблю, я тренировался бы с нею, но... нашлось то, что нашлось.

Я старался, чтобы никто не видел моих занятий. Когда человек моего возраста начинает постигать азы, это всегда смешно. И все равно чувствуешь себя намного увереннее, когда имеешь в руках хоть какое-то, пусть и примитивное, оружие. Необязательно же моим противником станет закаленный в боях мастер меча. Возможно, это будет обыкновенный бродяга, такой же славный боец, как и я, если не хуже.

С изучением языка дела у меня обстояли неплохо. Той неполной сотни слов, что я уже знал, вполне хватало, чтобы объясняться даже на такие тонкие темы, как кормление коз или необходимость принести охапку хвороста. Что характерно, понять смысл обращенной ко мне речи было значительно проще, чем самому выразить собственную мысль. Насколько я знаю, язык можно считать усвоенным, если можешь на нем думать. Конечно, до этого было еще очень далеко, но даже Кармина все реже смеялась над моим произношением. А может, все дело было в том, что ей уже надоела новая забава.

Я не считал дни, проведенные в доме Аниуты, но прошло никак не меньше двух недель.

Утро обычно начиналось с того, что я приносил пару ведер свежей воды, затем выгонял пастись коз. Они отлично знали, где можно найти себе пропитание, и всегда возвращались домой к вечеру сами. Дальше — огород, грядки, поле, и все это в произвольном порядке. Обед, часовой отдых и опять фермерство до самой темноты. Ужин в сумерках и обязательное чаепитие перед сном.

Меня всегда интересовало, почему эта семья живет отдельно от всех и именно здесь. Должна же быть на это причина. Попытки расспросить Аниату ни к чему не привели. Когда она начала объяснять, я вскоре замахал руками, потому что

не мог понять и половины. Все-таки в ежедневном общении мы пользовались в основном одними и теми же словами, такими же одинаковыми, как и то, что мы делали.

Нет, не получится у меня жить здесь долго, слишком все однообразно. Да и все здешние занятия ничего, кроме уныния, не вызывают: никогда не любил ковыряться в земле. Хорошо еще, что делать все это мне приходилось по собственной воле, а не по принуждению. Кто знает, как бы обстояли дела, попади я в другое место. До сих пор мне так и не удалось выяснить, где я, что это за страна, кто ею управляет. И существует ли здесь, например, рабство. А как узнать, спрашивается, если я понятия не имею, как это слово звучит.

Я возвращался с очередной охапкой хвороста, раздумывая над тем, действительно ли Аниата строила мне сегодня глазки или это всего лишь мои домыслы. Пару моих попыток познакомиться поближе она решительно пресекала. Причем сделала это не то чтобы с отвращением, просто отстранилась мягко, но настойчиво, покачала головой и сказала: нет. Ну нет так нет. Бывали у меня периоды и подлиннее. Сегодня же она и поглядывала как-то по-особенному, и улыбки ее были не такие, как обычно.

Вот вечером и попытаюсь выяснить, так ли это или мне все же показалось. Сколько можно? Я же вижу, что совсем ей не противен. Да и она молодая здоровая женщина, к тому же очень даже милая. И думал я так не потому, что других женщин здесь нет. Я ее еще с бугра разглядел, когда наблюдал за ними, не решаясь приблизиться.

Подойдя к самому краю леса, я обнаружил, что под навесом, там, где я обычно сплю, стоят четыре лошади. Нет, ну что за дела, там же сейчас столько конских яблок будет, а еще мокро и вонюче. В доме всего три лежанки. Доступа к телу хозяйки я не имею, так что мне теперь, в курятник переселиться?

Интересно, кто это? Может, родственники навестить приехали? И как они на меня отреагируют? Вдруг Аниата уже монетки (вряд ли здесь есть бумажные деньги) пересчитывает, полученные за удачную продажу молодого и сильного раба. Кстати, местных денег я еще в глаза не видел.

Лес подступал почти вплотную к хижине. Ну что же, поглядим, послушаем, а уже затем выводы будем делать.

Под навесом, рядом с очагом, где мы обычно обедали, сидели два крайне неприятных типа, которые занимались тем, что жрали и ржали, изредка поглядывая в сторону дома.

Странно все как-то. Так, теперь поближе к домику подберемся, стена со стороны леса глухая, никто в окошечко не увидит.

Из дома доносились гомон и смех, затем я услышал звук пощечины. И снова ничего не понятно, но точно не родственники с визитом нагрянули. Я осторожно заглянул на детскую половину — две лежанки, вот и вся обстановка. Пусто. Где же остальных два наездника? Ведь во дворе их тоже нет.

Попробуем забраться в дом через окно. Главное — не шуметь. Голоса были слышны рядом, в соседней части, отделенной перегородкой из прутьев. Если что-то пойдет не так — нырнем в окно, на улицу, дальше влево, в заросли. План отхода давно разработан, не один только хворост на уме был.

Осторожно заглянув через дверной проем, который был прикрыт занавесью из нанизанных на нитку кусочков тонкого бамбука, я увидел то, чего совсем не стремился увидеть.

На лежанке — Аниата, устремившая застывший взгляд в потолок и заранее закусившая нижнюю губу. Рядом — мужик, спускающий штаны и радостно скалящийся в предвкушении. Тут же и второй, внимательно наблюдающий за действием и явно рассчитывающий вскоре занять место первого.

Ну и при чем здесь я? Может быть, здесь так принято.

Когда я взглянул в противоположный угол, то сразу понял при чем.

В углу, прямо на полу, сидел Стрегор, прижимая к себе сжавшуюся в комочек сестренку, прикрывая ей ладонью глаза. Его взгляд светился ненавистью. Губы мальчишки были разбиты, а из носа тонкой струйкой бежала кровь, которую он даже не пытался вытереть.

«Вот скоты, по крайней мере, могли бы хоть детей выгнать», — подумал я. Словно желая опровергнуть мои слова, один из гостей с мерзкой улыбкой повернулся к Стрегору и что-то прокричал, указав рукой на лежавшую мать.

Насильники весело переговаривались друг с другом, двое других, сидящих под навесом, громко смеялись. Я понимал лишь некоторые слова, одно-два из десяти, но даже не пы-

тался вникнуть в смысл. Ситуация выглядела привычной для этих людей, слишком уж свободно они себя здесь вели. Да и реакция Аниаты говорила о том же.

Впервые за все время моего пребывания в этом мире я оказался перед выбором. Все мое естество кричало о том, что нужно немедленно бежать отсюда. Ведь чтобы хоть как-то повлиять на происходящее, придется убивать людей, пусть и не самых лучших представителей человечества.

Конечно, Артик, ты можешь легко покинуть дом, так же тихо и незаметно, как и вошел, и дожждаться, пока они уедут. Вернувшись, объяснить, что испугался этих людей и решил переждать в лесу. И вокруг ничего не изменится, ничего. Только внутри тебя, в душе, появится немного гнили. Со временем ее будет все больше и больше. Затем она полезет наружу, и люди станут ее замечать. Так что думай. Думай.

Одним прыжком преодолев расстояние до ближайшего из насильников, я с размаху опустил било на его голову. Человек в помятой замызганной шляпе кулем рухнул на пол, даже не вскрикнув. Второй резко повернулся ко мне и успел подставить под удар руку. Било лишь слегка скользнуло по его голове. Я рывком заставил его развернуться и взял шею в захват.

Плечо и предплечье давили на яремные вены, перекрывая доступ к кислороду, а сзади, к затылку, было прижато предплечье левой руки. Теперь наклоняем его к себе и тащим, отступая. И душим так, как душат свою жертву удавы. Они на мгновение расслабляют свои объятия, чтобы затем сдавить еще сильнее. И так снова и снова, снова и снова. Отпустив на пол безвольно поникшее тело, я ударил кулаком в висок. Ничего нельзя делать наполовину, как говорят умные люди, и они, как всегда, правы.

Я метнулся к Аниутке, ухватил ее под мышки и поставил рядом с лежанкой. Дави на нее, дави или садись и подпрыгивай. Делай так, чтобы она ритмично скрипела. Она у тебя очень скрипучая, вечерами я отлично слышу со своего места, как ты ворочаешься перед сном, хоть и довольно далеко находишься. Она поняла меня. Со двора донесся довольный смех.

Фу, наконец-то можно перевести дыхание. Несколько минут я выиграл: те, во дворе, ничего не слышали. Их еще двое, а из меня воин как не скажу из чего пуля. Нельзя мне

через дверь выходить, услышат. Воспользуемся уже проверенным способом.

Я осторожно выглянул из-за угла дома. Так, до мужиков пара прыжков, они сидят один напротив другого и весело ржут, прислушиваясь к ритмичному скрипу, доносящемуся из хибары. Один точно мой, добежать успею. И не промахнусь, руку достаточно набил, как знал. Ну на счет «три», а то как-то не по себе, их все-таки двое, оба при тесаках, и пистолеты на столе лежат.

Не выдержав, я рванул вперед на счет «два», заводя назад руку для удара. С разбегу удар получился такой силы, что брызнуло серыми с кровью ошметками. Второй мгновенно выскочил из-за стола, выхватив свой клинок, больше похожий на огромный мясницкий нож с гардой. И мы начали движение по кругу.

Сначала оставшийся «гость» поглядывал на домик и даже пытался позвать на помощь. Я тоже с беспокойством озирался на дверь. Не факт, что второй не сможет прийти в себя. С первым-то железно получилось, удар грузом такого веса быку голову проломит.

Но на помощь никто не спешил, и мы продолжали кружить. Что-что, а уж чувство дистанции мне еще в секции бокса крепко привили, разрывать ее я не спешил, слишком уж зловеще смотрелся тесак в правой руке противника. Правда, нервничал мужик гораздо сильнее, чем я. Ну с этим-то как раз все понятно, он не самый крутой в их компании. Иначе, так сказать, право первой ночи было бы за ним.

Положение спас Стрегор, показавшийся в дверях хижины и запустивший в «гостя» тяжелой оловянной кружкой. Удар в спину вышел слабым, но хватило и этого. Мужик на мгновение отвлекся, отвернувшись от меня, да еще и в правую сторону, и я свой шанс не упустил. Все.

Нет, еще не все, в доме посмотреть нужно. Подхватив тесак в свободную руку, я бросился внутрь.

Бившаяся в истерике Аниата раз за разом опускала тяжелый пестик на лицо все еще остававшегося в спущенных до колен штанах насильника.

Все закончилось, девочка. Я с трудом оттащил Аниату от мертвого тела. Бандиты здесь действительно не в первый раз, и она испытывала к ним лишь ненависть. На мгновение я

крепко прижал женщину к себе, погладил по голове и чуть подтолкнул в спину, направляя к Кармине. Малышка продолжала лежать в углу, плотно сжавшись в комочек и закрыв ручонками голову, словно пытаясь защититься от жестокого мира.

Вот теперь точно все. Нет, еще нужно подальше убрать тела бандитов. Хоронить их я точно не буду, дотащу да моря и сброшу. Пусть ими рыбы кормятся и всякие там крабы с ома-рами.

Меня вырвало. Хорошо хоть успел из дома выскочить. Рвало все время, пока я волок тела к морю. Под конец я уже просто содрогался от мучительных позывов.

Погода менялась на глазах, и, когда я закончил свое страшное дело, небо заволокло низкими черными тучами, поднялся сильный ветер и пошел дождь. Даже не дождь, а сплошные потоки воды, падающие косо из-за шквального ветра.

Я сидел на берегу и размышлял обо всем произошедшем. Подошла промокшая до нитки Аниата в развевающейся на ветру одежде и за руку увела меня в дом. Да, да, пойдём, девочка, наверняка это не вся банда, и они могут заявиться снова. Правильнее было бы скрыться в лесу, но куда в такую непогоду?

Всю ночь я просидел в доме, разложив перед собой на столе четыре трофейных ствола с взведенными курками. Три пистолета и ружье с коротким граненым стволом. Все они были с кремневыми замками. А значит, это отбрасывало составленную мной хронологию на пару веков назад.

Слева от меня, тесно прижавшись, сидела Аниата, справа — Стрегор с распухшим от удара лицом. А на руках спала маленькая Кармина, вздрагивая во сне. Да и все мы вздрагивали при каждом резком порыве ветра, ожидая бандитов.

К утру буря стихла, выглянуло жаркое солнышко и быстро высушило землю... Мы уже было собрались садиться за обеденный стол, когда приехали всадники, много всадников, не меньше полсотни человек.

Нет, они не были бандитами. Больше всего они были похожи на солдат регулярной части или на егерей. Одинаковая форма с преобладанием зеленых цветов. Одинаковое вооружение: короткое кавалерийское ружье, пистолет, палаши и

кинжал. Старшим у них был надменный офицер в широкополой шляпе, отличавшийся от других и мундиром, и оружием. На боку у него висела шпага в дорогих ножнах, пистолеты с изукрашенными рукоятками торчали из-за широкого пояса.

Аниата долго разговаривала со старшим, так и не соизволившим сойти с лошади. Она что-то объясняла ему скороговоркой, жестикулировала, указывала на меня рукой. Я ничего не понял из их разговора, разве что довольно часто слышал: «Артуа».

Я же сидел и размышлял, смогу ли впихнуть в себя хоть кусочек чего-либо съестного. Сейчас мне было совершенно все равно. Захотят забрать с собой, чтобы выяснить, не шпион ли я враждебной Кампучии, — пусть забирают. Но нет, офицер выслушал хозяйку, еще раз одарил меня надменным взглядом, коротко, но выразительно взмахнул рукой, и они уехали.

Зря я думал, что не смогу ничего съесть. Первую ложку с кашей я едва протолкнул внутрь, вторую распробовал, а затем съел столько, что чуть не оставил голодным все семейство. Стрегор просто поглядывал на меня, а Кармина сидела с открытым ртом. Со мной такое случается: если сильно понервничаю, сначала много ем, а затем иду спать. Так было и на этот раз. Но сначала мы с Аниатой осмотрели пояса разбойников, которые снял перед тем, как сбросить трупы в море. Пояс — это не ремень, чтобы брюки не сваливались. Снаружи на нем имеется несколько карманчиков для разных необходимых мелочей. А на внутренней стороне есть особые кармашки, для денег.

Монет оказалось не так уж и много. Я первый раз увидел местные деньги и не заметил на них ничего такого, что оказалось бы для меня непривычным. Реверс с изображением профиля лобастого бородатого мужика, аверс с малопонятным гербом и такой же непонятной надписью, гладкий гурт. Такими были монеты из серебра.

На медных монетах тоже имелся герб, разве что вместо изображения правителя там красовались какие-то буквы и цифры. О том, что это буквы и цифры, легко было догадаться, а вот что именно они обозначают, оставалось загадкой. Придется, как первокласснику, с азбуки начинать и со счета.

Вот где бы только учителя найти? Но этот трогательный момент можно отложить, сначала нужно научиться на чужом языке разговаривать. Такая вот прогрессивная форма обучения у меня получается, сначала устный иностранный, а затем уже все остальные предметы.

Среди монет нашлась даже золотая, размером с ноготь большого пальца. Обнаружила ее Аниата, тщательно осматривающая пояс, лежащий перед ней на столе. Краем глаза я наблюдал за ней: припрячет или нет?

Аниата положила ее на стол, в общую кучку. Золотая монета оказалась точно такой же, что и из серебра. Видимо, под одним прессом чеканили, только металл использовали более благородный.

Когда мы закончили, Аниата сложила все в маленький кожаный кошель, затянула на нем ремешок и поставила передо мной. Ну что ж, вполне справедливо. Только ведь ты хозяйка, вот и припрячь деньги до тех времен, пока они нам понадобятся.

Затем я все же поспал. Проснувшись, сходил на море и даже искупался. И это был мой первый выходной за все дни, проведенные здесь. А вечером, когда дети уснули, Аниата сама пришла ко мне.

Я лежал на своем любимом тюфяке, но уже в другом месте, потому что на старом продолжали стоять четыре трофейные лошади. Женщина сняла с себя одежду и юркнула ко мне под одеяло. И все у нас получилось так легко и замечательно, как будто мы знали друг друга много-много лет.

И звезды уже не казались мне такими враждебными. Засыпая, я думал о том, что люди, живущие здесь, совсем не отличаются от нас, землян. И дело было даже не в Аниате.

Глава 4 ГИРД

Вот и настала пора научиться мне ездить верхом. Одну лошадь я решил оставить себе. И теперь нужно было выбрать из четырех моделей, представленных в гиппосалоне. В наличии имелись три жеребца и одна кобыла.

Жеребцы имели более приглядный, нежели кобыла, вид,

один — так вообще красавец. Но всех их объединял существенный недостаток: встроенная опция в виде сенсора, определяющего неопытность седока даже на расстоянии.

Когда я приближался к ним с седлом наготове, они так гневно фыркали, что отбивали всякое желание к дальнейшему общению с ними. Кобыла же доверчиво тянулась головой, даже не пытаясь возмутиться. Всегда подозревал, что женщины ко мне относятся значительно лучше, чем соперники-самцы, вот и еще одно доказательство.

В принципе из любого, даже самого трудного, положения можно найти несколько блестящих выходов. Взять, например, вот этого самого красивого жеребца, который ведет себя по отношению ко мне особенно нахально. Если привязать его задом к одному дереву, а головой — к другому, то вполне можно его оседлать. Потом влезть в седло, перерезать веревки и кататься сколько влезет. Мне и не такой трудности задачи приходилось решать легко и непринужденно. Вот только веревок надо много, да и деревья придется постоянно искать.

Решено, оставляю себе кобылу, а остальных продам. Обязательно найду покупателей посуровее, они станут много ездить на конях и плохо их кормить. Тогда те будут вспоминать обо мне и лить свои лошадиные слезы. А свою Мухорку буду холить и лелеять, каждый день чистить и кормить досыта. Потом кони с ней встретятся, она им все расскажет, и тогда они пожалеют, козлы.

Почему Мухорка? А ее Кармина так назвала. Имя как имя, красивое даже. Только о махорке напоминает, а курить иногда просто жуть как хочется.

Первый раз оседлать Мухорку мне помог Стрегор. Быстро взнуздal ее, положил потник, седло надел и подпругу затянул. Затем засунул ладонь под подпругу и момент натяжки показал. Еще и засмеялся. Ах ты, малолетка, да я натяжку ремня генератора на машине вообще двумя пальцами проверяю. И почему тебя так веселит тот факт, что я уже два раза Мухорку скреб и чистил, а еще ни разу не ездил? Я когда первую свою машину купил, целых две недели только мыл ее — и все потому, что ездить не умел и прав не было.

И еще, мои дальние предки — из кубанских казаков, а ты знаешь, что такое генетическая память, неуч? Я и на любой машине могу, и океанскими кораблями управлять. Да мне

один раз друзья даже «кукурузник» пилотировать доверили. Минут десять всего, но это же не кобыла.

Еще я, кстати, всегда в будущем оказаться мечтал, чтобы на флаерах летать, а вовсе не в вашем Средневековье дремучем, где даже бритв приличных нет. Каждый раз бреешься и потом холодным исходишь, когда сам себе по горлу опасной бритвой проводишь.

И хватит уже тут смеяться. Это не то, что ты думаешь. Не собирался я падать, приноравливался я, как на скаку предметы с земли подбирать. И сестре своей скажи, чтобы не смеялась, а то сейчас лопнет. А мамке твоей я сам все ночью скажу, она для этого специально и приходит, чтобы меня послушать.

Вот с языком шло все хорошо. После первой нашей ночной встречи с Анютой меня как прорвало, сам даже не ожидал. Видимо, назрело уже, и произошел качественный скачок. Или метод такой хороший — в постели разговаривать.

Хотя это как посмотреть. Знал я одну девушку, без имени обойдусь. И познакомилась она однажды с парнем. Встретились они в стране, где оба были иностранцами. Все у них было замечательно, отношения прекрасные, и спали вместе. Только вот одна маленькая проблема: не понимали они друг друга. Если хотелось им по душам поговорить, то отправлялись они в интернет-салон и общались через электронного переводчика. Мы все еще смеялись над ней, как же она умудрилась в стране с самым большим населением, в Китае, американского негра себе найти?

Знание языка — великое дело. Если говоришь чисто, то и отношение к тебе будет нормальное, пусть даже и вид у тебя не совсем привычный. А можешь выглядеть как самый настоящий местный житель, но лепетать что-то вроде: моя твоя не понимаю. И выйдет все наоборот.

Язык в этой стране не особенно трудный и давался мне довольно легко. Обличьем от местных, по крайней мере, от тех, кого довелось увидеть, я тоже ничем не отличаюсь. Так что, можно сказать, повезло.

Мы с Анютой собрались в город, как оказалось, до него всего день пути. В Дертогене нужно продать лошадей, купить кое-что необходимо, да и вообще пора мне уже свой нос за

пределы гасиенды высунуть. Как говорится, белый свет посмотреть и себя показать.

Отправились мы еще до восхода солнца, оставив Стрегора за старшего. Мать так замучила его наставлениями, что он даже спрятался от нее.

Поначалу я мужественно ехал на Мухорке, потом решил-таки пойти пешком — натер себе с непривычки. К вечеру, когда солнце одним своим краем коснулось морского горизонта, нам открылся замечательный вид на бухту, на берегу которой и расположился Дертоген. Синее-синее море, голубое-голубое небо, огненно-красные отблески заката на пушистых облаках. От такой красоты даже дух захватывает. Я не удивлюсь, если треть жителей этой планеты — художники-пейзажисты.

На берегу почти идеально круглой бухты расположилось множество хижин, дальше местность шла в гору, на склоне которой домики были побольше и выглядели основательнее. А на вершине горы стоял замок, больше похожий на крепость со всеми обязательными атрибутами: башнями, стенами с зубчатым парапетом и донжоном, над которым на высоком остром шпиле развевался стяг. На конце мыса возвышался маяк. В гавани — десятка полтора суденышек, в основном одномачтовых. Посреди бухты стоял на якоре двухмачтовый парусник. Еще я сумел разглядеть множество лодок, вытасненных на берег, за линию прибоя.

Ну надо же, все как у людей. На первый взгляд ничего необычного. И все-таки я волновался. Очень. Ведь совсем скоро я увижу новый мир, в котором мне придется жить, хочу я того или нет.

— Спать где? — обратился я к Аниате.

Та долго что-то объясняла, показывая рукой. Понял я лишь то, что на земле спать не придется. Ну и зачем так много слов?

Вообще-то есть у меня собственная гипотеза о причинах женской болтливости, согласно которой центр речи в прелестных женских головках находится в непосредственной близости от центра удовольствия. Ясное дело, при разговоре один центр раздражает другой. Правда, и у мужчин так бывает. Это особенно заметно, если повнимательнее к ведущим популярных телепрограмм присмотреться. Только где ж те-

перь их взять, всякие там ток-шоу? Клянусь, целыми днями буду смотреть то, что раньше ненавидел. Только домой верните, пожалуйста.

Переночевали мы в доме каких-то Анютиных родственников. Нормально так переночевали, даже покормить нас не забыли. Анюта о чем-то долго им рассказывала, но я даже не прислушивался и не пытался разобрать. Встав из-за стола, я поблагодарил гостеприимных хозяев и пошел на уже приготовленное мне для ночлега место.

На местный рынок мы отправились чуть свет, и первым, кого встретили, был городской стражник. Он важно шествовал по еще пустынной улице, преисполненный чувства собственной значимости. Поравнявшись с нами, он оценивающе посмотрел на меня и поприветствовал мою спутницу:

— Привет, Аниата. Что, нового гирда себе нашла?

Женщина на мгновение смутилась, затем поздоровалась с ним, схватила меня за руку и поволокла за собой. Естественно, я заинтересовался значением неизвестного мне слова.

— Гирд? Что это? — обратился я к ней.

Никогда не думал, что можно так стремительно покраснеть. Понятно, можешь не объяснять. Девочка, просто ты не представляешь, из какого мира я прибыл. У нас давно уже любой, кто не первый, считается вторым. Ну в нашем случае я третий, поскольку у тебя двое детей, совершенно непохожих друг на друга.

Я на мгновение крепко прижал ее к себе и чмокнул в макушку, получив в ответ благодарный взгляд. Стражник-то явно не к Аниате обращался, это же понятно. Не мог он знать о том, что мне незнакомы какие-то слова, что я вообще язык только-только осваиваю. Просто так он выразил свое отношение ко мне: вид-то у меня аховый. Конечно, сейчас я был не в той одежде, в которой на огороде работал, да и на ногах какие-никакие постолы имелись, и все же... Значит, именно с этого и начнем. Присмотримся, цены узнаем и ассортимент.

Ну вот и добрались. Бесконечный гвалт, широкие улыбки продавцов, яростный торг — словно на южном рынке очутились. Сначала заглянули в рыбные ряды. Нет, приобретать рыбу в наши планы не входило, но было интересно, что в местных пелагиалях водится. Оказалось, что ничего особен-

ного: морские окуни, скумбрии, кефали, головоногие моллюски и перепончатокрылые. Насчет последних шучу. В мясных лавках опять же вырезкой единорога не торговали, все вполне традиционно: свинина, баранина, птица.

А вот промышленные товары заинтересовали меня больше. Где еще можно получить столько информации о стадии развития общества? Я посмотрел много всяких вещиц, пощупал, повертел в руках и сделал неутешительный вывод. Всюду следы ручной работы, никаких намеков на массовое производство. Провода или антенны в городе тоже отсутствуют.

По хозяйству Аниаты об уровне прогресса судить было сложно: вдруг она какая-нибудь отшельница и все вещи, которыми пользуется остальной цивилизованный мир, у нее под религиозным запретом. Теперь же все предельно ясно. Семнадцатый-восемнадцатый век, если сравнивать с моей горячо любимой родиной.

Ладно, чего уж тут. Ну нет здесь флаеров и гиперпространственных перелетов, так ведь и питекантропов тоже не видно. И люди вполне вменяемые, вон сколько радостных, открытых лиц вокруг.

Себе я приобрел замечательные штаны, приличного качества рубашку и короткие сапоги с острыми носами. Почему именно с острыми? Чтобы в стремя попасть. Я ведь теперь всадник, черт побери, пусть и с натертой с непривычки пятой точкой. Сапоги, кстати, не делились на правый и левый. Ну так этого и у нас долгое время не было, насколько я знаю. Переоделся я прямо в лавке.

Когда проходили мимо рядов с женской одеждой и украшениями, Аниата замедлила шаг. Погоди, солнце, вот растуруемся — тогда уж непременно. Это одно из достойнейших занятий для мужчины — тратить деньги на свою женщину. То, что мне самому пришлось сразу переодеться, — это острая необходимость. Нам сейчас коней продавать, а это серьезный бизнес. Вот и выглядеть нужно соответственно. Вернемся за лошадьми, я пояс надену трофейный, тот, что решил себе оставить. Сбоку клинок прицеплю и кинжал. Здесь все так ходят, кроме, конечно, последних оборванцев.

Лошадей вместе с седлами и всей остальной упряжью мы продали удачно. По крайней мере, Аниата, судя по ее виду,

осталась очень довольна. Она торговалась азартно, даже яростно, забавно было за этим наблюдать. Все время торга я простоял рядом с самым невозмутимым видом, скрестив руки на груди и чуть выпятив нижнюю челюсть, для мужественности. Не особо я в таких делах силен, да и не с моим знанием языка лезть в это.

Затем продали лишнее оружие. Оказалось, что стоит оно недешево, даже бывшее в употреблении, судя по количеству полученных за него серебряных монеток. Себе я оставил лишь ружье — в хозяйстве пригодится, — пистолет да палаш с кинжалом.

Вот теперь пойдем, Анята, и посмотрим, что у нас в тут смысле высокой женской моды имеется. Нет, готовые изделия брать будем, хоть и дороже. Понимаю, что ты сама сшить можешь, но тогда ведь на меня времени меньше останется. Так что я больше о себе забочусь. Юбка нравится? Берем. И еще вот эту посмотри. Блузка? Конечно, берем, я даже уже представить успел, как ткань будет обрисовывать некоторые места. Красиво получается. Бусы понравились? Кстати, вот эти сережки к ним вполне подходят. Смотри, какая ты у меня получилась: картинка просто. Ну и пусть поглядывают на нас, пусть шепчутся, какое нам до них дело.

Теперь твоими детьми займемся. Стрегору — пояс и еще небольшой кинжал с ножнами, мужчине без него никак, я его вон в той лавке видел. А Кармине — эту замечательную куклу. Знаю я, что у нее аж целых две. Зато у этой глаза есть и даже волосы. И платьишко очень симпатичное. Теперь отрезы ткани им на одежду, сама выбирай.

Все, теперь пора о хозяйстве подумать. Здесь уж ты лучше меня знаешь, что купить необходимо. Я же в качестве носильщика пригожусь. И еще хорошо бы приютившим нас хозяевам подарочек небольшой сделать.

И вообще мне отличная мысль в голову пришла. Как тебе объяснить-то? В общем, давай в этот замечательный городок переселимся, мне здесь так понравилось. Никто на меня с криком «Чужак!» не бросается и руки мне не заламывает. Далось тебе это сельское хозяйство. В конце концов, им и здесь заниматься можно. Да и я себе занятие найду, руки из правильного места растут. Вот только с жильем необходимо вопрос как-то решить. Но все это я тебе потом расскажу, слишком

уж ты сейчас в возбужденном состоянии. Придется какое-то время ночной кукушкой побыть.

На обратном пути к дому родных Аниата несколько раз останавливалась поговорить со знакомыми женщинами. Насколько я сумел понять, разговор шел о недавних событиях. Она смело рассказывала об этом чуть ли не каждому встречному, а это могло означать только одно: мстить мне не будут.

Назад мы возвращались на другой день, и оба шли пешком, поскольку Мухорке приходилось тащить на себе все наши покупки. Но задержались в пути мы не только из-за этого, чего уж там греха таить. Не смог я ночи дожждаться, когда мы присели передохнуть и перекусить на укромной лесной полянке. Слишком уж милые ямочки на щечках у Аниаты, когда она улыбается, и глаза такие блестящие...

Глава 5

ФРЕД

— Словом, займет все это не больше пары недель. Ты даже по Аниате своей соскучиться толком не успеешь.

Моим собеседником был Фред Груен, владелец двухмачтового парусника, который я классифицировал бы как бригантину: те же прямые паруса на фок-мачте и косые на гроте, разве что обвод линий несколько отличается и на юте есть высокая кормовая надстройка. Ходкое суденышко, судя по всему. Вероятно, при постройке сначала думали о скорости, а уж потом о вместительности трюмов.

Сидели мы в дертогенской таверне, в той, что поприличней. Всего их здесь две, и вторая выглядела совсем уж забегаловкой. Да и нравы там были очень свободными. В любой момент тебе на колени могла плюхнуться развеселая пьяненькая девица, попробуй потом объясни Аниате, что она сама проявила инициативу. Дертоген — город маленький, все друг друга знают. Так что сплетни распространяются мгновенно, обрастая за время полета новыми подробностями.

Здесь, конечно, доступных девиц тоже хватало, но вели они себя более скромно. Куда же без них — городок-то портовый. Они любому моряку рады, лишь бы монеты за душой водились.

Меандрия — держава великая. Прошло уже полгода, как я был занесен сюда невесть каким ветром, поэтому могу смело судить об этом. Государством этим, которое все называли Империей, правил Конрад III из династии Крондейлов. Территориально Империя разделена на десять провинций. Рабства или крепостного права здесь, как такового, нет, хотя крестьяне привязаны к тем селениям, где проживают. Словом, распродавать людей оптом и в розницу нельзя, но если кому-то придет в голову избавиться от одного из своих поместий вместе с прилегающими деревнями — всегда пожалуйте. Если это не противоречит имперским законам, которые я до конца еще не уяснил. А вообще можно достаточно свободно передвигаться по стране (если, конечно, финансы позволяют), и никто не скажет тебе грозно:

— Ты чей, холоп? Ничей? Значит, моим будешь.

В Меандрии и аристократия имеется: герцоги, графы, бароны всякие. Когда-то давно Империя состояла из разрозненных герцогств и графств, затем дедушка нынешнего императора волевым решением поделил подвластные ему территории на провинции.

Отличительным знаком благородного происхождения является шпага. Она может быть какой угодно. И настоящей боевой, с которой можно смело выходить на несметные полчища врагов, и абсолютно декоративной, на манер гигантской зубочистки, словно говорящей: вот он я, человек с голубой кровью. Титулы наследуются только по мужской линии. Так что если дочь герцога выйдет замуж за купца, пусть даже и очень состоятельного, то станет обыкновенной купчихой.

Незаконное ношение шпаги приравнивается к самостоятельному присвоению дворянского звания. И карается такой проступок очень и очень серьезно. Нарушителя могут даже вздернуть перед толпой любопытствующего народа. Преступление против короны как-никак.

Все это мне объяснил мой собеседник, Фред Груен. И я серьезно подозревал, что перед его фамилией должна стоять приставка «фер», указывающая на благородство его происхождения, хотя многие дворяне прекрасно обходятся и без этого дополнения. Почему я решил, что его социальный статус именно таков? Да хотя бы по манере держаться, умению вести разговор, отношению к собеседнику, в конце концов.

Кстати, он обмолвился, что подозревает то же самое в отношении меня, уж не знаю почему.

Фред был брюнетом с голубыми глазами, крепкого телосложения, примерно моего роста и моего же возраста. И еще он был бабником — закоренелым, завзятым, неисправимым и дальше в том же духе. Даже сейчас, когда мимо проходила служанка, обслуживающая посетителей таверны, он постоянно косил на нее глаза. А на что там косить-то? На его корабле, по-моему, корма меньших размеров, чем у этой милой дамочки. Наверное, все моряки, в том числе и бывшие, такие. Но сошлись мы с ним не на этой почве.

Однажды, спеша домой после небольшой, но довольно хорошо оплачиваемой работенки, я увидел обычную драку, правда, не совсем справедливую: четверо на двоих. Тем, кто был в меньшинстве, приходилось несладко, поэтому я решил вмешаться. Тем более что бились они только при помощи кулаков, хотя иногда противникам удавалось довольно удачно пнуть друг друга. Относительно холодного оружия в Империи жесткие законы. Это дворянам позволительно протыкать друг друга шпагами и дырывать из пистолетов по поводу и без. Люди же попроще за применение ножа могут легко получить направление на имперские рудники лет на десять. Или вообще до конца жизни там задержаться, это если произошло убийство или, к примеру, нанесено тяжелое увечье. Нет, можно хоть с ног до головы обвешаться палашами и ружьями, но применять оружие разрешено только против бандитствующих элементов, посягающих на жизнь или имущество. Надо сказать, что здесь, на окраине Империи, подобное случается нередко.

Короче, в спарринг-партнеры мне достался крепкий жилистый мужик, на удивление верткий. В секции, где я когда-то занимался, тренер имел интересные взгляды на технику бокса. Восемьдесят процентов техники приходится на переднюю, лидирующую руку, любил повторять он. Так почему же сильная рука, например правая у правши, постоянно находится сзади? В двух словах это выглядело так: если правша — занимай правостороннюю стойку, и наоборот. Новатором был, однако. Уже потом я узнал о подобной технике совсем из других источников. Если еще короче, то я достал челюсть своего противника именно правым хуком, он у меня

всегда неплохо получался, и именно из правосторонней стойки.

После такого удара мой оппонент приземлился на пятую точку. Затем помотал головой, поднялся на ноги и полез здороваться со мной за руку, еще и бормоча при этом, что за всю его карьеру драчуна такой случай впервые. От нападавших здорово пахивало вином, да и у представителей защищающейся стороны в крови явно имелось слишком много промилле.

Закончилось все дело грандиозной попойкой в таверне, где упомянутая уже девица уселась мне на колени, черт бы ее побрал. С нами был и ревнивый супруг той дамы, из-за которой, собственно, весь сыр-бор и разгорелся. История выходила довольно темная: то ли у Фреда с ней действительно что-то было, то ли, наоборот, как раз ничего не было, и женщина, обидевшись, пожаловалась мужу на его якобы домогательства. Скандально известный своим кобелиным характером Фред должен был в полной мере испытать на себе крепость кулаков разъяренного собственника. Муж уговорил своих друзей принять участие в мести. Ожидали они местного ловеласа в засаде, не забыв при этом прихватить с собой небольшой бочонок вина последнего урожая, чтобы не очень скучать. Совсем крохотный, всего-то литров на двадцать. Чем все это закончилось, уже известно.

К концу нашего застолья бывшие противники уже сидели в обнимку и горланили песню о несчастной судьбе моряка, вернувшегося из дальнего плавания и заставшего жену в постели с лучшим другом. Сам-то Фред женат не был, и, видимо, поэтому его манера исполнения не была такой жалобной, как у напарника по дуэту.

Следующим утром я сделал два не очень приятных открытия. Первым было то, что, если выпить достаточно много, голова болит несколько не меньше, чем на моей далекой родине. И второе — если влить в себя несколько бутылок вина, то захмелеешь точно так же, как и от более крепких спиртных напитков. Последних, кстати, здесь не было. Ни рома, ни виски, ни джина. И водки, кстати, тоже.

Сопутствующие выводы тоже имелись. Оказывается, Аниата тоже способна на ревность. А пьянство и здесь может

пагубно повлиять на состояние наполненности кошелька монетами.

Фреда я видел и раньше, до той драки, — личность-то он примечательная. Один раз даже пришлось присутствовать при его разговоре с Аниатой. Мне совершенно случайно довелось услышать, как он проявлял мужской интерес к прелестям моей подружки. Сначала он прошелся по ее красивым глазкам, а затем заявил что-то в том духе, что у нее есть и другие замечательные особенности фигуры.

Ответ Аниаты мне понравился:

— А еще у меня есть мужчина, который умудрился обрывком цепи отправить на тот свет несколько разбойников, — заявила она. — Среди них был даже Троуг. Да ты и сам должен помнить эту историю, не так уж давно она произошла.

К своей чести, Фред не стал стучать себе кулаком в грудь, заявляя, что плевать он хотел на всяких там Троугов и людей с цепями и без. Он просто откланялся — и все. Чего ж тут непонятного, отказали ему во взаимности.

Этот случай произошел больше трех месяцев назад, когда мы только что переехали в Дертоген. С жильем сложилось как нельзя более удачно. Практически за бесценок нам посчастливилось приобрести неплохой домишко. Правда, не в самом лучшем состоянии. Моей заслуги в этом не было, разве что деньги на его покупку пошли из моего кошелька.

Мы переселились сразу после окончания сезона дождей. Здесь их два, каждый примерно по полтора месяца. В это время небо плачет практически не переставая, только интенсивность меняется. Проливные дожди чередуются с моросью, затем следуют затяжные. А все остальное время благодать, лето.

Вот и сидели мы в хибаре Аниаты, изредка выходя под дождь по самым неотложным делам. На плантациях делать нечего, урожай к тому времени собран, рыбалки никакой, поскольку реки выходят из берегов. Время вынужденного безделья, конечно, даром не пропало. Когда еще выпадет такая возможность попрактиковаться в знании языка. Я даже сказки научился Кармине рассказывать. И еще каждый день уделял пару часов маханию саблей, ну это так, пародия на бойца.

А в остальном, конечно, жуть. Все сыро, да еще и крыша

протекать начала. Поэтому как только дожди стихли, мы и перебрались в город. Дом небольшой, зато каменный, вот только крыши не было — обвалилась. Поначалу я твердо намеревался починить ее сам. Затем прикинул цены на материалы, узнал сумму, запрашиваемую за работу местными строителями... И заплатил последние деньги профессионалам, у которых и инструмент необходимый найдется, и материал подходящий.

Да еще и как раз на время ремонта подвернулось мне одно дельце, поэтому заниматься хозяйственными делами было некогда. Заплатить пообещали хорошо, поэтому я согласился. Моя неожиданная работа затянулась на целую неделю, а заключалась она в том, что пришлось съездить в компании развеселых парней в одно забытое всеми местечко. Там мы изображали группу поддержки во время переговоров двух благородных дворян (это если судить по раззолоченным ножнам шпаг и манере держаться). В подробности разговора нас, само собой, не посвящали. Противоположная сторона также была не обделена собственным штатом «болельщиков». Наша работа как раз и состояла в том, что выглядеть мы должны были гораздо круче и мужественней, чем наши возможные противники. От одного взгляда на этот фарс хотелось смеяться. Но... заплатили нам неплохо, по серебряной полукроне. Так что дельце того стоило.

К моему возвращению дом был уже отремонтирован. Аниате здесь обязательно понравится. Тем более рядом с домом еще и огородик имеется, и небольшой сад. А во дворе колодец есть. Эх, мне бы еще денег раздобыть, чтобы Аня не нуждалась ни в чем какое-то время. Там, глядишь, и личная жизнь у нее наладится — дама она очень даже привлекательная.

А я вот здесь надолго остаться не смогу: еще толком и адаптироваться не успел, а уже куда-то тянет. Передо мной новый мир, и не хочется сидеть в этой забытой местным Создателем дыре всю оставшуюся жизнь. Но и для этого деньги тоже нужны. Для начала мне хотелось побывать в столице Империи, Дрондере. Столица — это всегда центр, и научный, и культурный, и промышленный, и еще какой угодно. Интересно же, черт возьми!

Аниата, как и все женщины, отлично понимала, что я из

той самой мужской породы вечных странников, которым не сидится на месте. Но пока молчала. Вот и умница.

Как-то она очень подробно рассказала мне про свою жизнь. Не скажу, что я так уж сильно хотел все это слушать, но человека можно серьезно обидеть, оттолкнув его в тот момент, когда он изливает тебе душу. Была у нее большая любовь, в результате которой и родился Стрегор. Затем не стало ее любимого, море к себе забрать решило. Потом встретился один козел (у какой же женщины такого козла не было?), который вскоре исчез, прихватив с собой все, что посчитал ценным. А уже после Кармина родилась. Через год женщина осталась без родителей, и жизнь покатила вниз. Одно время ей даже в таверне пришлось подрабатывать, чтобы накормить детей. В конце концов Аниате пришлось уйти на выселки, где я ее и встретил. В том доме когда-то одинокий бобыль жил, пока однажды не нашли его мертвым на берегу моря. Самое страшное началось, когда ее повадилась навещать Труг. Да не один, а в компании таких же негодяев, как и он сам. Чем закончился его последний визит, известно всему городу.

Зато сейчас она ходит с гордо поднятой головой. В Дертогене я в числе пусть и не самых уважаемых, но вполне приличных людей значусь, можно не стыдиться. Только постоянного источника доходов я себе все еще не отыскал. Да и детей ее я не обижаю, даже наоборот. Относительно Стрегора у меня были кое-какие планы. Для своих лет парень он рослый, через пару годков меня догонит. И серьезный, редко улыбается. Нужно попробовать пристроить его в ученики к какому-нибудь мастеру. Сначала на побегушках, потом подмастерья попадет, а там, глядишь, и ремеслу обучится.

Кстати насчет обучения. В соседнем доме дедок живет, забавный такой. Ему за шестьдесят уже, последние лет двадцать пять на деревяшке скачет — одной ноги нет. Я было думал, что он на море ее потерял. Оказалось — нет. Дед с гордостью сообщил мне, что служил кирасиром в Тунгейском полку. Посидели мы с ним как-то по-соседски, поговорили по душам и договорились до того, что решил он мне показать то, что когда-то умел хорошо. Вроде и старый, и ноги одной нет, но как взял в руки клинок — преобразился весь, даже взгляд стал другим.

Я начал брать у него уроки. И деду развлечение, и мне нау-

ка. Наставником он оказался на удивление хорошим, а главное — совсем не насмеялся над моей неуклюжестью.

Так вот и жил я до того самого ночного разговора с Фредом.

Глава 6 «ЭЛИЗА В ЛУННОМ СВЕТЕ»

В море мы вышли затемно, с первым дуновением легкого бриза, потянувшего с берега.

Когда рассвело, ветер немного посвежел и карасса, а именно так назывался здесь этот тип судов, рванула вперед, словно породистая беговая лошадь.

Я стоял, облокотившись на планширь, и поглядывал на Фреда, который пытался что-то втолковать рулевому. Жаль, что не видят его сейчас многочисленные подружки и те дамы, что все еще сомневаются в своих чувствах. В красном камзоле нараспашку и широкополой шляпе (у нас такие когда-то называли зюйдвестками) смотрелся Фред весьма достойно.

На корабле имелось четыре пушки, по две на каждом борту, и длинноствольная кулеврина, уткнувшаяся зевом в море за кормой. На баке орудий не было, что и неудивительно, вряд ли команде приходилось кого-то преследовать, скорее уж наоборот. Парусное вооружение судна впечатляло. Поймав мой взгляд, Фред лишь развел руками, мол, знаю, что «Мелисса» моя — красавица, так ведь и сам я на своем месте и выгляжу ничуть не хуже корабля. Веселая бесшабашность, иначе и не скажешь.

Команда «Мелиссы» состояла из тридцати семи человек. Обычно Фред обходился и меньшим количеством, расширяя экипаж по мере надобности. В Дертогене это сделать несложно, моряков там хватает.

Как и все морские порты Империи, этот городок принадлежит короне. При каждом порте есть крепость с гарнизоном. Комендантом Дертогена являлся барон фер Энгуа. Дважды в неделю он со своей свитой объезжал вверенный ему объект с самым важным видом. Довелось и мне его видеть несколько раз.